

КОНФЕТА ДЛЯ ПАПЫ

Байки старой Михайловки

Надежда Костина

12+

Надежда Костина

Конфета для папы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68140868

SelfPub; 2023

Аннотация

Если ты пережил потерю всего в 14 лет, не знаешь как жить дальше, тебе нужно маленькое чудо. История является прологом к повести "Семь шагов над обрывом".

Надежда Костина

Конфета для папы

– Ты, что ли, до Тамары приехала?!

– Я, – нехотя ответила Соня, выключив колодезный насос, и снимая с подставки тяжелое мокрое ведро.

– Соседи, стало быть. С одной криницы воду таскаем. А моя хата в конце улицы, во-о-н там зелёный забор и ворота размалеванные. Ежели чего, то...

Говорить с болтливой тёткой не хотелось. Отвечать на одни и те же вопросы – тем более. Чужое сочувствие раздражало, бесконечные разговоры утомляли, неумное сельское любопытство казалось навязчивым и нелепым. За две недели, что они жили у тетки жены папиного младшего брата – посмотреть на беженцев ОТТУДА приходила уйма народу. Кого-то хозяйка решительно выпроваживала со двора, кого-то звала в дом, поила травяным чаем, а то и чем покрепче, знакомила с новоявленными родственниками.

–Люди у нас всякие. Одним только дай языком почесать! Другие – с пониманием. Чай не вы первые беженцы в нашей глухомани. Вон, у Степановны четверо живут. Да по селу с десяток семей наберется. Ты, девонька, привыкай к тутошним, – втолковывала маме Тамара Васильевна.

–Вам у меня зиму зимовать. А там, как бог даст. Я-то не

гоню. Вместе, оно веселее! Дочка с внуками далеченько. Собиралась на лето приехать, да где уж теперича. Война, она и есть война...

После таких увещеваний мама тихонько плакала, крепко обнимала пятилетнего Даньку и пыталась дозвониться папе. Папа, если был на связи, бодро рапортовал об успехах на фронте, жаловался на пересоленную тушёнку и скидывал фотки, где он жарит шашлык из купленного у местных козленка. Мама успокаивалась. Ненадолго...

Соня резко вздрогнула, возвращаясь в солнечный летний день. Женщина осеклась, вмиг посерьезнела, приглядываясь к новой знакомой.

– Провалилась?! Да?!

Соня грустно кивнула. Потом удивилась:

– А как вы...?

– Смекнула, что ты меня не чуешь? – соседка невесело улыбнулась и тяжело вздохнула. – Я, девонька, много чего понимаю. Довелось в свое время... Ты, вот что, хорош в хате от всех ховаться. У меня внучка гостит – бестолочь редкостная. Все мозги тебе вышибет. Я ее пришлю. Добро?!

– До-добро. А как вас зовут?

– Так это – тетка Оксана. Ну, или Оксана Ивановна. Ты насос-то включи, я водички наберу.

Михайловка была центром цивилизации и верхом мечтаний всех нормальных людей! Так, или почти так считал каждый из полутора тысяч ее жителей. Посудите сами: железно-

дорожная станция – есть! Парочка магазинов с продуктами и всякой мелочевкой – есть! Школа – 20 минут на электричке. Почитай рядом! Аптека, фельдшерский пункт – работают! А что водопровода нет, так колодец на каждой улице. А если хозяин рукастый, то и скважина во дворе имеется. Делов-то! И, самое главное, – воскресный базар. Нет, БАЗАР!!! В любую погоду все, от мала до велика, семьями и поодиночке, пешком или на велосипедах сходились и съезжались на базарную площадь «базарювать».

Тамара Васильевна, взявшись втолковывать местные порядки, предупредила с ухмылкой: кто пропускает базарный день больше одного раза, попадает под подозрение! В самом деле, разве честный человек, если не болен или не уехал по делам, может отказаться от такого счастья?! Не ходит – значит, что-то скрывает, или умер. Второе – предпочтительней. Тамара испуганно зажала рот ладонью, сообразив, что сморозила лишнее...

Соня после приезда шуток не понимала. Слишком свежи были воспоминания о чудовищных взрывах, запахе крови и смерти, о холоде сырого подвала и трупах на детской площадке. О страшной дороге в покореженном автобусе с выбитыми стеклами и посеченной осколками крыши. О том, как их, немых от ужаса, несли на руках огромные дядьки с темными от усталости лицами, как грузили в забитый сотнями таких же беженцев поезд, как они лежали на ледяном полу темного душного вагона, прижавшись друг к другу, закрывая

собой маленького Даньку. Как трясло и подкидывало состав от близких разрывов, а он, уходя от обстрела, набирал скорость, унося на запад несчастных, обессиленных людей...

Город встретил промозглым дождем, холодным ветром и заботливо поданным прямо на вокзале горячим обедом. Девочка смутно помнила шоколад с изюмом и колючее теплое одеяло. Кажется, ее уложили прямо в зале ожидания, на старой раскладушке. Вокруг хныкали дети, лаяли собаки, люди пытались дозвониться родным, искали знакомых в толпе, кричали, смеялись, плакали, звали врача...

Данька освоился намного быстрее. После куриного супа и вареников с картошкой он, счастливый и сытый, сидел рядом с сестрой, обнимал подаренного зелёного медведя, и набивал карманы конфетами. Конфеты делил поровну – в том числе и на папу...

Уже к вечеру их поселили в детском садике. Светлая комната с огромными окнами, мультяшными картинками на стенах и светильниками-звёздочками. Три десятка женщин с детьми разного возраста. Спали на матрасах, на карематах, на деревянных топчанах, сбитых на скорую руку. Тесно, шумно... безопасно...

Соня вынырнула из воспоминаний. Рассеянно огляделась. Тетка Оксана скрылась за «размалеванными» воротами. В уличной пыли копошилась сбежавшая со двора рыжая курица. Двое загорелых мальчишек катили тачку с бидоном для воды. Сейчас подойдут к колодцу, а тут – она! Ну, уж нет,

хватит на сегодня любопытных.

Девочка решительно подняла ведро и направилась к дому, пытаясь вспомнить, что хотела сегодня сделать...

Это так чудесно – планировать день, знать – обед будет в обед, в магазине есть свежий хлеб, в колодце чистая вода, а ночью можно лежать на старой железной кровати, закутавшись в мягкий плед, слушать грустных сверчков и... тишину.

Первые дни после приезда в село Соня не могла отогреться. Тетя Тамара полола огород в шортах и майке, обвязав голову косынкой, чтобы «сонечко не напекло», а девочка зябко куталась в зимнюю куртку, натягивала капюшон, прятала ладони в рукава и подолгу сидела во дворе. Наблюдала за суетливыми курицами, важными толстыми гусями, слушала мерное жужжание пчел – в соседнем дворе хозяева держали небольшую пасеку...

Дни шли за днями. Виной ли тому жаркое июньское солнце, вкусная сытная еда, неторопливый уклад сельского быта, – кто знает. Но девочка сменила теплые свитера и куртку на легкую футболку, а джинсы – на короткие льняные шорты. Да и шлепанцы оказались гораздо удобнее тяжёлых ботинок.

Жизнь должна быть, и все тут!

А война – не первая и не последняя. Прорвёмся...

Стоп! Она опять провалилась внутрь себя, так мама называла это состояние.

Что-то было непривычно. Что?! Она улыбалась! Улыбалась впервые за несколько месяцев. Губы растягивались сами собой. На глаза навернулись слезы. Плакала девочка тоже давно. Это мама чуть что – редела, а Соня застыла, замерла в коконе из страха и безнадёги. И вот кокон дал трещину, раскололся на кучу серых осколков.

Добродушная тетка Оксана, ее обещание прислать новую подружку или просто... все хорошо?! Если может быть хорошо, когда с папой нет связи уже восьмой день?!

В ногу ткнулось что-то мокрое и холодное. Соня вздрогнула, резко обернулась. Хозяйская дворняга умудрилась растегнуть ошейник и приветливо виляла хвостом. Да нет, тоже... улыбалась!

Нет, честно! Кто бы сказал раньше, что собака может вот так, совсем по-человечески улыбаться – ни в жизнь не поверила бы. А это беспородное чудище лыбилось во все свои, сколько там у нее зубов!

Соня присела на корточки, порывисто обняла кудлатую псину. Та, не будь дура, положила голову маленькой хозяйке на плечо, радостно лизнула прямо в ухо.

– Фу, Муха, перестань! – засмеялась Соня.

Собака, услышав свое имя, принялась облизывать соленые от слез глаза, нос и щеки.

Тётя Тамара с мамой выскочили на крыльцо. Замерли, уставившись на невероятную картину – Сонька, сидя на траве, отбивалась от разыгравшейся собаки, а Муха норвила

завалить девочку на землю и облизать, как потерявшегося и снова найденного щенка.

Мама дернулась было к дочке, но Тамара придержала за локоть. Покачала головой и потянула в дом.

– Ниче, ниче. Собака, она не психотерапевт, но тоже кой-чего может...

– Эй, ты чего в пыли валяешься?! – раздался насмешливый голос с улицы.

Муха нехотя тьякнула в сторону забора и улеглась в тени старой раскидистой яблони.

За калиткой стояла девчонка в коротких джинсовых шортах и растянутой черной футболке. Коротко остриженные пряди черного и малинового цвета торчали во все стороны. Руки в карманах шорт. Примерно ровесница Сони.

– Ээээ. Я не валяюсь. – Соня неловко поднялась, отряхиваясь от песка и травинок, вытирая мокрое лицо. – Я с собакой играюсь.

– Ааа. Тогда ладно. А я уж думала тебя спасти...

Гостыя неуверенно топталась за воротами, а Соня не совсем понимала, чего от нее хотят.

– Я это... Лера. Меня бабушка к тебе послала. Дружить. И... ну ... помогать.

– Чего помогать?!

– Ну, ты травмированная? Так? Так! Вот, и я, типа, тоже. Будем, короче, того. Адаптироваться. Давай меня зови в дом

и предлагай чаю с конфетами.

Соня недоверчиво уставилась на чудную девчонку.

– А если не позову?

– Будешь жалеть об этом всю жизнь! – ехидно ответила Лера и широко улыбнулась.

– Софийка, кто там пришел? – тетя Тамара казалось, слышала все, что происходит в ближайших ста метрах.

– Это ко мне! – отозвалась девочка.

Когда к тебе кто-то приходит, – значит, ты есть? И есть место, где ты есть и туда может прийти кто-то, кому ты нужен...

– Это ко мне, – шепотом повторила она, уже для самой себя. – Ко мне. Пришли.

Пили компот. Клубничный и чуточку черешневый. Для светской беседы – самое то! Конфет не нашлось, кроме парочки засохших карамелек в деревянной хлебнице. Гостья великодушно отказалась от сомнительного лакомства. А вот миску спелой клубники слопала. Причем засыпав ягоды одной, двумя, пятью ложками сахара.

– Знаешь, я ведь каждое лето к тетке Оксане приезжаю. У нее клубники – море! Местные носы воротят – зажрались. А я всю зиму мечтаю, как приеду, и целый тазик съем. Ташу из дому кучу баллончиков с взбитыми сливками и объедаюсь целый месяц.

– А я черешню больше люблю. У нас дома, – Соня запнулась, забыв, что дома больше нет. Тряхнула головой и

упрямо продолжила. – У нас дома вишни были и абрикосы, ещё смородины много, а черешни не приживались. А тут их столько...

Мама осторожно, как бы по делу, заглянула на кухню, где сидели девочки, но решила не мешать и тихонько вышла.

Зато Данька разошелся не на шутку: шлепал босыми ногами по линолеуму, укладывал спать Мурку в корзину для белья, требовал налить холодненького молочка. Нет, сначала пусть сестра нагреет его в микроволновке, потом остудит, снимет пенку... Лера, в конце концов, сгребла в охапку маленького негодяя и закурила по кухне.

– Ух, я тебе уши оторву, разбойник!

Данька громко смеялся, вдруг резко выкрутился, выскользнул и поскакал в комнату. Через минуту вернулся, что-то пряча за спиной. Вид у него был важный и таинственный.

– На. Это тебе, – на ладошке лежала конфета – из тех... для папы... – Ешь, а завтра принесешь мне две! Я одну съем, а одну спрячу.

– Добро, – запнулась Лера, переглядываясь с Соней. Та сделала страшные глаза и слегка кивнула, мол, соглашайся.

Данька вручил бесценный подарок и понесся во двор играть с Мухой.

– Он собирает конфеты для папы. Хочет ему подарить, когда, если... – слова вдруг застряли в горле, вцепились – не вытолкнуть.

Лера бережно сжала подарок в ладони, нахмурилась, прикусила губу, а потом решительно спрятала угощение в боковой карман рюкзака.

– А мой папа на скорой работает. Врачом. И мама врач. Они остались. Сестра с племянником за границу уехали, хотели и меня забрать, а я вот уперлась. Сюда приехала к маминной тетке. Как будто все нормально, обычное лето. Правда?..

Та-кк... Снова проваливаюсь, подумала Соня. Перед глазами замелькали картины Города. В ушах завывала сирена, тело сковало ледяным холодом, запах гари и крови забивал нос, не давая дышать.

– Эй, подруга, давай-ка назад! – Лера звала издалека. – Посмотри мне в глаза, они у меня разного цвета. Видишь?! Скажи, круто?! Как у ведьмы. Я и волосы выкрасила специально, чтобы всех бесить!

– Ведьм не бывает, – еле слышно возразила Соня.

Она медленно возвращалась в жаркий июньский день с запахами спелой клубники и сладкого компота, заполошным криком припадочного рыжего петуха и радостными воплями младшего братишки за окном...

А глаза у нее и вправду разные – один карий, второй серо-зелёный.

– Ещё как бывают! – Лера энергично растирала Сонины ладони, пытаясь согреть ледяные пальцы. – Чем тетка Тамара не ведьма?! Разве у нормального человека такая клуб-

ника вырастет, а?! Крупная, сладкая и стоооолько?

– Я все слышу, – немедленно отозвались со двора.

– Во! Я ж говорю – ведьма! – восхищенно прошептала Лерка.

Соня глубоко вздохнула, отпуская страх, и устало улыбнулась. Холод отступал, смолкла призрачная сирена, уползали страшные тени. Надолго ли? Ну, уж нет! У нее тут подружка появилась в кои-то веки!

– Пошли в комнате спрячемся. Там точно не услышит!

Комната с тремя узкими окнами, парочкой кроватей и огромным телевизором на допотопной тумбочке с архаичной кружевной салфеткой вызывала... доверие. Словно находишься в другом мире, а значит, в безопасности. В домике – как говорил Данька.

Над высокой пружинной кроватью висел ковер, вытканый вручную мамой хозяйки. Если облокотиться на железную спинку и закутаться в мягкое одеяло, то можно долго рассматривать справного козака в синих шароварах с люлькой в зубах, гарну дивчину в вышитой сорочке, красных сапожках и огромном цветочном венке с яркими лентами. Возле влюбленной парочки стоял конь, вокруг летали волшебные жар-птицы. А по краям ковра цвела калина, распускались шишки хмеля, и вился виноград с сине-зелеными сочными ягодами.

– Красота какая! – восторженно прошептала Лера, проводя рукой по жесткому ворсу. – Надо же. Представь, сколько

такое чудо стоит!

Данька неслышно просочился в комнату, тихонько забрался на кровать и прижался к сестре. Наступала пора дневного сна, и усталый малыш укладывался под сказочным ковром. Чтобы приснился папа «о-от с такой шаблюкой! И на конячке».

Соня накрыла братика пледом, ласково взъерошила волосы, поправила подушку. Данька засопел. После спасения из разоренного Города малыш засыпал очень быстро.

Какое-то время девчонки сидели молча, думая о своем. Тикали настенные часы, жужжала залетевшая муха. Со двора доносились приглушённые голоса. Лера первой решилась заговорить.

– Смотри, – она достала из рюкзака потрепанную синюю тетрадку. – Я тут записываю всякие штуки, ну, про жителей в селе.

– Шпионишь?

– Нее... Исследую. Я ищу... колдовство. – Лера неуверенно глянула на Соню. Та слушала внимательно, с интересом и без насмешки.

– Если оно где-то сохранилось, то только в такой глуши. Как у Гоголя, помнишь: панночка, ведьмы, черти, русалки, чудеса всякие...

Соня замотала головой. Читать она не любила, из Гоголя помнила только портрет в учебнике – длинноносый дядька с модным каре.

– Местным только дай языком почесать. Друг про дружку такого насочинять могут. Я пишу, чтоб не забыть. Вот, глянь.

Тетрадные листы исписаны аккуратным почерком. Имена, адреса, несколько номеров телефонов. Соня пролистала пару страниц, зачитала: «Баба Нюра. Переулочек Озёрный 15. Наслала порчу на невестку. Невестка лечила спину две недели.

Ул. Садовая 5. Цыганка Лена. Ясновидит. Берёт деньги. Глаза черные.

Алевтина Сергеевна. Ул. Садовая 10. Сторож в школе. На дверных косяках странные знаки. Возле порога посадила кусты калины.

Дед Никита. Видели ночью на перекрестке со свечкой. Долго стоял, что-то шептал».

– А кто его там видел? – потрясенно спросила Соня. – Ты следила?

– Да нет. Все село об этом знает. Дед – продвинутый. Не маразматик какой-нибудь! У него спутниковый интернет есть. Канал на Ютубе ведёт – про пчел ролики снимает. А по ночам на перекресток ходит. Никто конкретно не видел, но все знают!

Соня листала страницы – заброшенный дом на пустыре – призраки, клад. Слово «клад» подчеркнуто красным маркером... Проклятая пустая хата по улице Тимирязева – бывший дом председателя колхоза... Черный ставок за дальней балкой – рыбы нет, люди тонут... Старая часовня, зарос-

ший чертополохом и крапивой шлях, могила старого знахаря, обережные знаки на въезде в село...

Это ж надо было собрать столько... материала. Кажется, так называют подобные записи?

– А у твоей тетки? У Оксаны Ивановны? Что?

Лера вздохнула, взъерошила короткие волосы.

– Тетка Оксана – училка. Хоть и на пенсии. Она меня этнографом обзывает. Рассказывает много интересного и про село, и про «забобоны местные». В чудеса не верит. Вот так.

– Я после... ну... этой весны... Тоже не верю. Прости, – прошептала Соня.

Она бережно закрыла удивительную тетрадку и протянула подружке. Та подтянула к себе рюкзак, открыла, чтобы спрятать свое сокровище, и вдруг резко вскинула голову, с вызовом уставилась на Соню.

– Я могу доказать! Хочешь?! Прямо сейчас!

Решительно дернув молнию на боковом кармане, Лера достала ту самую конфету. Сжала в ладони.

– Это не просто конфета. Он, – Лера кивнула на спящего Даньку, – хотел отдать ее папе. А отдал мне. От чистого сердца, добровольно, понимаешь?

– Н-нет, – Соня с жалостью смотрела на подружку.

– В ней спрятано желание. Одно. Маленькое. Сейчас я отдаю ее тебе. Тоже добровольно. Держи. Загадай желание и съешь! Ну! Что тебе стоит?!

Соня неуверенно протянула руку к блестящей конфете.

Шоколадная, с орехом внутри.

От жары мягкая.

Вкусная.

Папа сладкоежка.

Он такие любит.

Соня как во сне развернула обертку и надкусила.

Рот наполнился липкой шоколадной сладостью, в глазах защипало.

Папа, где ты?!

Она протянула половинку Лере. Та осторожно приняла кусочек и положила в рот. Зажмурилась...

Тихо в старом доме. Тикают часы на стене, лёгкий ветерок колышет занавески. Данька спит в обнимку с зелёным медведем...

Лера взяла Соню за руку. Слезы текли по ее щекам. Так они и сидели в тишине большой комнаты. Ждали...

Резко зазвонил телефон. Девочки вздрогнули от громкого звука. Заворочался, просыпаясь, Данька. Мама, прибежав с кухни, схватила трубку.

– Алло! Да! В госпитале? Живой!!!